

СИБИРСКИЕ
ГОДЕИДРЫ

Сибирь – страна многонациональная. Здесь тесно переплелись различные культуры, обычаи и традиции. Наверное, в каждом районе нашей области есть уникальные деревни, но Пихтинск и его жители особенно выделяются своей неповторимой самобытностью. Ни время, ни испытания не повлияли на их родственные связи. Голендры, как и сто лет назад, держатся вместе, ценят общину, хранят веру и чтут традиции.

Глядя на их доброжелательные, искренние отношения, простой уклад жизни, невольно вспоминаешь о своих корнях, обретаешь свое внутреннее «я».

Поэтому я с рад был помочь с изданием этой книги и, надеюсь, что рассказ о жизни этого замечательного народа вызовет интерес читателей.

*Виктор Круглов,
депутат Законодательного Собрания
Иркутской области, председатель совета
директоров ОАО «Саянскхимпласт»*

СИБИРСКИЕ ГОЛЕНДРЫ

ИСТОРИЯ.
СУДЬБА.
КУЛЬТУРА.

ИРКУТСК. 2014

УДК 39
ББК 63.521(=432.2)-73
К 54

ОГЛАВЛЕНИЕ

Автор проекта – Князев Александр Дмитриевич.
Фотографии – Князев Александр Дмитриевич,
Князев Ярослав Александрович.
Текст – Князев Александр Дмитриевич.
Дизайн – Князев Александр Дмитриевич.
Консультант – Макогон Галина Николаевна.

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>А.И. ХАРИТОНОВ</i>).....	стр. 4
ЗАГАДКА ГОЛЕНДРОВ.....	стр. 8
СУДЬБЫ-ПУТИ.....	стр. 16
ОТ РОЖДЕСТВА ДО ОТЖИНОК.....	стр. 52
ДРЕВО ЖИЗНИ.....	стр. 66
СЕНОКОС.....	стр. 94
СВАДЬБА В ПИХТИНСКЕ.....	стр. 108
ВОЗРОЖДЕНИЕ.....	стр. 134
ПОСЛЕСЛОВИЕ (<i>И.З. ЗЕЛЕНТ</i>).....	стр. 151

© Князев А.Д. Фотографии, текст. 2013
© Князев Я.А. Фотографии. 2013.
© Князев А.Д. Дизайн. 2013

ОТБИРАЕТ ИСТОРИЯ. ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Сибиряки!
Молва не врет,-
Хоть с бору, с сосенки народ.
Хоть сборный он, зато отборный...»

Александр Твардовский «За далью даль»

Мудрый Александр Трифонович наверняка понимал, какой отбор проходили люди, чтобы стать сибиряками – в этом слове нет и намёка на пафос. Отбирала дальняя дорога, на которую уходили месяцы – кто дошёл, доехал на лошадях, не заболел, не сгинул в дороге, тот и отобрался в сибиряки. Новоявленных сибиряков проверяли не пули, не бомбы – их испытывала суровая природа, наша тайга, которая часто была нехоженой, а то и непроходимой. Кто не замёрз в морозы за сорок, кого не запутала, не сбила с дороги вьюга, кто выжил в болезнях, кого не придавило столетней сосной – будет жить в Сибири. И оставит потомство – вот они-то, рождённые на этой суровой земле, будут по праву звать её своей матерью-родиной.

Поначалу сибирские земли осваивались казаками, вслед за которыми шли наиболее предприимчивые и крепкие пашенные крестьяне. Они врубались в тайгу, корчевали пни, отвоёвывая у леса свои потом политые десятины. Никак не скажешь, что жизнь этих привычных к труду людей на сибирских привольных землях оказалась лёгкой. Каждую десятину пашни приходилось отвоевать у нехоженой тайги – валить деревья топорами, пил тогда не было, корчевать, поднимать таёжную целину... Непривычно длинные и морозные зимы, поздняя весна, лето короткое, но жаркое, с засухами, неожиданные летние заморозки, ливни почище тропических, град, выбивающий посевы, да ещё кобылка, которая их пожирала... Зимой страшная стужа, снег, который заваливал избы до крыш, летом – невыносимый зной... Всё то, что сегодня называется «зоной рискованного земледелия», первые русские сибиряки, привыкшие в центральной России к совершенно другим природным условиям, испили полной чашей. Комары, мошка, оводы, клещи – все эти кровососущие насекомые доводили людей и скот чуть ли не до безумия. Сетки из волоса и окуривание дымом помогали мало.

«Отбор продолжался»... Кто-то, не выдержав пожизненного испытания, возвращался в более приветливые края. Был и ещё один «экзаменатор» – водка, «спирт горячий, зелёный, злой». Сколько их пало в неравной схватке с этим змием! Несть им числа. Больше всего погибало от этой беды истинных аборигенов, детей природы – эвенков, бурят, якутов... Но и русые головы склонялись перед этой бедой – чем дальше, тем больше. Когда-то Некрасов писал – «пьем много мы по времени, но больше мы ра-

ботаем, нас пьяных много видится, но больше трезвых нас». Со временем эта пропорция сильно изменилась – в «пользу» пьяных. Тяжёлая работа, страшные морозы были оправданием этой беде. Постепенно для многих и многих беспробудное пьянство стало главным занятием. «Если пьянка мешает работе – брось работу» – в этой шутке совсем небольшая доля шутки.

Но когда за дело принялись власти – отбор пошёл такой, что «отсеянных», пущенных в расход надо было считать не десятками, даже не сотнями – тысячами. Первыми это на себе испытали поляки. Гордую шляхту угораздило войти в состав царской России, которую не зря назовут «тюрьмой народов». Началось их подневольное движение в Сибирь с конца XVI века. Первая массовая ссылка политических противников царизма в Польшу – вторая половина XVIII века. Почти весь XIX век поляки попадали в наши края не по своей воле.

Но не потерялись здесь, не растворились... Они принесли сюда свою культуру, своё упорное желание учиться, работать, достойно жить. Иван Черский, Александр Чекановский, Бенедикт Дыбовский, Феликс Кон и многие другие стали известными учёными, исследователями Сибири, Байкала.

Нит Романов в своих знаменитых летописях приводит такое свидетельство: «Колбасное, кондитерское и некоторые другие производства исключительно полякам обязаны основанием и развитием в Сибири. До поляков здесь почти не было ни кафе-ресторанов, ни трактиров, ни порядочных гостиниц. В среде и нравы сибирского народа и общества поляки внесли некоторые свои национальные симпатичные качества: учтивость, сдержанность, такт и замечательно хорошее, сразу бросающееся в глаза, гуманное обращение с прислугой. Они несомненно содействовали поднятию уровня развития в среднем и низшем классе. В самом Иркутске долго не было других учителей, кроме поляков, по части музыки, рисования и новых языков».

В наше время в Иркутской области живут более двух тысяч поляков, многие из которых не утратили свой уклад жизни, веру и обычаи. Есть даже польская деревня Вершина в Боханском районе.

Немалого труда составляло людям разных национальностей сохранить свою особость, не раствориться, не потеряться среди многоязыкого народа Сибири. Как могли, они старались селиться вместе, образуя национальные общины, сохраняя свой быт и обычаи. В деревне Тургеневка Боханского района, например, живут белорусы, потомки переселенцев во время столыпинской реформы. Они бережно хранят вековую память своего народа, национальную одежду, почитают обряды и праздники и даже создали свой музей. Всего же среди нас выходцев из «Белыя России» около 14 тысяч.

Кстати, о столыпинской реформе. В начале XX века был предпринят комплекс мер, чтобы поднять аграрное хозяйство России, в том числе серия законов о переселении крестьян на окраины.

В 1905 году: правительство "открыло" переселение из Полтавской и Харьковской губерний. По указу 10 марта 1906 года право переселения крестьян было предоставлено всем желающим без ограничений. Правительство ассигновало немалые средства на устройство переселенцев на новых местах, на их медицинское обслуживание и общественные нужды, на прокладку дорог. В 1906-1913 годах за Урал переселилось 2792,8 тысяч человек. Количество крестьян, не сумевших приспособиться к новым условиям и вынужденных вернуться, составило 12% от общего числа переселенцев. Итоги переселенческой компании были следующими. Во-первых, за этот период был осуществлен громадный скачок в экономическом и социальном развитии Сибири. Население региона за годы колонизации увеличилось на 153%. Если до переселения в Сибирь происходило сокращение посевных площадей, то за 1906-1913 годы они были расширены на 80%, в то время как в европейской части России – всего на 6,2%. По темпам развития животноводства Сибирь также обгоняла европейскую часть России.

Советы внесли свой, очень специфический вклад в национальное разнообразие нашего края. В ссылку отправлялись многие этнические группы, а порой и целые народы. 38 500 литовцев было сослано в Иркутскую область. Поезжайте в бывшие леспромхозовские посёлки, да хоть в село Порожское Нижнеудинского района. На старом кладбище, может быть, ещё сохранились необычно высокие католические кресты – под ними лежат литовцы, которых сталинский режим навсегда лишил родины. Да и сейчас в Иркутской области живут более полутора тысяч их соотечественников.

Откуда взялись среди иркутян более шести тысяч немцев? Ясно – это потомки тех, кого сослали во время войны из Поволжья и других мест советской империи, чтобы они, выросшие в России, не дай бог, не открыли ворота Родины для войск вермахта.

Так формировался национальный состав Сибири вообще и Иркутской области в частности – из аборигенов, из тех, кто когда-то пришёл сюда по своей воле, из сосланных по велению царя. А потом – из тех, кого пригнали по указке «отца народов» и своры его «тонкошеих вождей». Они добирались в битком набитых теплушках, на открытых палубах речных пароходов, оставляя по пути слабых и немощных, стариков и детей. «Край каторги и ссылки» – так любили называть Сибирь идеологи большевизма. Но в бесчеловечности по отношению к ссыльным они оставили царских жандармов далеко позади.

Если попытаться подвести итог, то надо сказать, что формирование

многонационального состава Иркутской области в том виде, в каком он сейчас существует, шло через трагедии и лишения, через переломанные человеческие судьбы, через преодоление запредельных трудностей и препятствий, из которых суровая наша природа – ещё не самое страшное. Никто сейчас не скажет, сколько пришельцев из далёких от Сибири мест никогда не смогли вернуться к родным местам, нашли вечный покой среди сибирских сосен и кедров.

Тем более удивительно, что многие и многие потомки выходцев из далёких и более приветливых, чем наша, земель обрели здесь настоящую родину и не думают её покидать. Чуваши и армяне, азербайджанцы и мордва, башкиры и молдаване – 23 диаспоры представлены в нашей области тысячей и более жителей.

Но самое главное – все эти такие разные люди живут в мире и согласии как с русскими, так и коренными жителями Сибири – с бурятами, эвенками, якутами... При этом сохраняют свои обычаи, нравы, национальную одежду, чтят веру отцов, блюдут праздники. И это вносит в суровый сибирский колорит новые краски, делает его более ярким и праздничным.

Одна из самых многочисленных среди них – татары, они живут в нескольких деревнях Чунского района – Кулише, Тарее, Баёре, Питаево, Сержкино и других.

Есть и ещё более экзотические национальности. Например, вепсы, народ, родственник финнам, карелам и эстонцам. Они переселились в Иркутскую область в 1924 - 1950 годах и живут в нескольких деревнях Аларского района, в Кутулике, Андреевке, Александровске, Маниловске, в деревне Романенкино Заларинского района.

Книга, которую вы только что открыли, рассказывает о ещё одном загадочном, почти сказочном народе – голендрах. Эти красивые, работающие люди давно и обособленно живут в трёх таёжных деревнях Заларинского района – Пихтинск, Среднепихтинск и Дагник. Они не утратили своего языка, хотя происхождение его несколько странно, как и всё, что связано с ними. Фамилии у них немецкие (что в былые времена принесло им немалые беды), но они вовсе не немцы. Впрочем, стоп – перелистывайте эту страницу и читайте – и вы узнаете об этом удивительном маленьком народе если не всё, то многое. И смотрите – фотографии помогут вам разглядеть душу голендров, которые живут рядом с нами, но сами по себе.

Арнольд Харитонов.

P.S. А славно было бы, если бы эта книга стала первой ласточкой, и появились бы другие, популярно рассказывающие о других народах, населяющих Иркутскую область. Ведь эта земля сроднила нас, и все мы – сибиряки, народ отборный!

	Юлия	дочь вдовы крестьянки Мартины	ур. Мартинов.
	восемнадцатого - девятнадцатого (18.),	вой. Иркутск. губ. Каролина Па-	вой. Иркут-
	того (19.),	стрик, ур. Тумборгъ.	ской губернии.
	4 ч. пополудни. 5 ч. пополудни.		
35.	1913.	Иванъ Зелентъ, сына	на новолет 2 года. 1.
	Юлия	крестьянина Маргинского вой. Иркутск	Курорт, Во-
	второго	губ. Андрея Зелента и его жены	инской
	(2.)	Екатерины, ур. Людвигъ.	губернии.
	2 ч. дня.	4 ч. дня.	
36.	1913.	Екатерина Пастриксъ,	въ колон. 1 годъ -
	Мая	дочь крестьянина Михаила	Замостеръ, Г.и.
	второго	Пастрика, Маргинск. вой. Иркут. губ.	Вологодской
	(2.)	и его жены Зльвины, ур. Людвигъ.	губернии.
	10 ч. утра.	2 ч. дня.	
37.	1912.	Спонислава Розина, дочь	въ колон. Г.и. -

ЗАГАДКА ГОЛЕНДРОВ

Они - сибиряки уже в нескольких поколениях, их деревни Замустече, Новыны и Дагник живут второе столетие, их лютеранство куда старше, с времен Мартина Лютера (XVI век), но молятся они по польским "ксенжкам" и почитают православных святых, говорят же "по-хохлацки" на смешении польского, украинского и белорусского, только фамилии у них немецкие: Гимборг, Кунц, Зелент, Людвиг., имена же польские: Катаржина, Альвина...

Дома в деревнях добротные, дороги чистые, сена на зиму хватает с избытком, детей в семье до десятка и более, в реке – рыба, тайга не тронутая, за околицей - черника...

Светятся среди тайги ровные прямоугольники полей с колосающейся пшеницей, а на луговинах, тоже очищенных от тайги, высятся копны сена, как на пейзажах старых голландских мастеров. Вдоволь налюбовавшийся глаз задается невольным вопросом: сколько труда, усердия, терпения и любви к земле видели эти поля, луга и деревни ?!

И откуда взялись в присаянской тайге эти добрые пришлые люди по прозвищу «голендры», что привело их сюда и породнило с Сибирью навсегда, как удалось им свыкнуться с суровой природой, ретивыми соседями, безумными большевистскими реформами, лагерным укладом Советов, и сохраниться при этом в своем крестьянском первородстве?!

Как в старину говорили: «Загадка сия велика есть!». Стоит приблизиться к ее разгадке.

Сквозь плотную завесу времени попробуем разглядеть Голландию XVI века. Вместо государства - лишь набор вассально зависимых фламандских графств и немецких княжеств, процветали торговые города-крепости, простолюдины славились своим строительным мастерством, — они подперли

плотинами море, которое уже тогда было на 8 метров выше уровня плодородных крестьянских угодий, где и состоялась великая европейская культура земледелия, предполагавшая свободный труд на тучной земле. Стоит ли удивляться тому, что голос проповедника Мартина Лютера об обновленном христианстве внятно услышали именно здесь?! Но услышали по-простецки, буквально как призыв изго-

нять католичество, что привело к крестьянским волнениям, на усмирения которых испанский король Филипп отправил герцога Альбу с войском и с полномочиями наместника.

Началась истребительная война. О натуре Альбы внятно написал бельгийский историк Анри Пиренн: «Он знал только один способ управления – силу, или, вернее – террор. Недоступный ни пониманию возможного, ни чувству сострадания, он непоколебимо, со спокойной совестью шел вперед по развалинам. Чувство долга, а не жестокость, заставляла его подписывать смертные приговоры и его душевное спокойствие по отношению к своим жертвам можно было бы сравнить с душевным спокойствием Робеспьера. Как у того, и у другого, покорность была столь же полной, сколь и ужасной. Искренность, жестокая искренность была столь же полной, сколь и ужасной». Еще более ужасают по сей день откровения самого герцога: " В этом городе нельзя щадить даже собак еретиков!" Альба приехал с инструкцией Филиппа, которая повелевала, захватив почтеннейших граждан страны, отправить их на смертную казнь, конфисковать в казну их имущество и поддерживать католическую веру во всей строгости. В Нидерландах опять началась кровавая расправа; число казней вскоре достигло нескольких тысяч, было конфисковано имущества на 30 миллионов талеров, торговля и промышленность остановились, сотни тысяч людей спасались бегством за границу. Уходили целыми деревнями, а путь был только один - морем...

И вот несколько тысяч беглецов-протестантов остановились в устье Вислы, на территории Польского королевства. Без земли, без крова, без прав ... в католической Польше, зачищенной к тому времени от лютеранства. Но удача явилась в облике графа Владислава Лещинского и князя Радзивила, которые отдали беглецам в аренду свои земли вдоль Западного Буга недалеко от Бреста. Граф Лещинский, тоже принявший лютеранство, оказался настоящим благодетелем.

Обратимся к документам, сохранившимся в Гродненском филиале государственного исторического архива и в Государственном архиве Брестской области.

Вот что сказано в объяснительной записке Гродненскому гражданскому губернатору: «в двух селах, называемых

Нейбров и Нейдорф, заселенных вольными иностранцами голендрами по-над рекою Бугом на землях, принадлежащих кн. Радзивилу, заключено 273 душ еванг. -лютеран».

А вот еще одно небезинтересное свидетельство – заявление жителя колонии Нейбров Яна Зелента-Липиньского в комиссию при Поветовом Земском Управлении г. Бреста, в котором говорится: «Прошло 400 лет / когда/ мои предки получили на правах вечных чиншевиков участок земли в размере 18 моргов литовских, положенных в колонии Нейбров гмины Домачево, бывшая собственность кн. Радзивила. Землю эту, полученную после отцов и дедов, использую ныне я.»

Заявление датировано 1925 годом. Таким образом, вполне обоснованным и убедительным будет предположение о том, что колонии Нейбров и Нейдорф были основаны не немцами из Вюртемберга в XVIII в., а именно голландцами в 1564 году. Эта дата, кстати, совпадает с временем репрессий герцога Альбы в Голландии и исходом лютеран с родных земель.

Тем не менее, германские историки причисляют их к немцам, полонисты - к полякам, их споры не утихают... Да и само понятие "голендры" в переводе имеет разный смысл: поляки так называли чужеземных колонистов на своих землях, немецкий перевод несет значение "корчеватели" (голендры и вправду были лучшими в Европе корчевателями и плотниками), буквальный перевод означает «голландцы».

Это подтвердил нынешний пихтинский «учитель» Адольф Кунц в недавно снятом фильме «Небесное отечество»: «Я поздно задал себе этот вопрос – кто мы такие... Вот есть семьи по 13 детей, первый сын – немец в паспорте, второй записан украинцем, третий русским..., а мать одна и отец один. Стал я донимать старика Зелента, а он мне прямо сказал: «Запомни, мы – выродки из Голландии.»

Но вернемся в долину Западного Буга. Уверенно ли жились колонистам?

Продуктивно использовать предоставленные земли жителям колонии мешали частые половодья. Вот что по этому поводу говорится в докладе Грозненскому губернатору/1821 г./: "/колонисты/ имеют земли над р. Бугом, где ежегодно заливают вода, а поэтому хлеба не имеют, а пользуются только огородами и сенокосными лугами" /16/. Старожилы тех мест рас-

сказывают забавный факт: когда Буг выходил из берегов, затапливая при этом не только луга, но и дома, колонисты поднимали на веревках свиней, кур и прочую домашнюю живность на второй чердачный этаж дома, где люди и животные успешно переживали половодье.

Но колонисты все же сеяли рожь, овес, ячмень. А заливные луга позволяли им держать немалое животноводческое хозяйство. Уже в начале XX в. у колонистов был свой молочный кооператив, занимавшийся выработкой всевозможных продуктов из молока, земледельческий кооператив «ЛАУ» и две ветряные мельницы. В целом хозяйства жителей колоний были достаточно прочными, а сами колонисты были далеко не бедными людьми.

Однако вскоре в Российской империи, ее подданными стали голендры после третьего раздела Польши, была объявлена земельная реформа. По инициативе П.А.Столыпина крестьянам предлагалось переселение в Сибирь, неограниченные земельные наделы по выбору и финансовое покровительство государства. Взыграло крестьянское нутро, восстали в памяти свободные земли Фландрии и легла долгая дорога в Сибирь.

И вот в 1910 году в переселенческую контору Заларей, что в Иркутской области, явились четверо ходоков с намерением подыскать подходящие земли. Ходоков звали: Андрей Гиньборг, Иван Бытов, Иван Гильдебрант, и Петр Кунц. После некоторых раздумий, свойственных российскому чиновнику и поныне, им предложили земли в предгорьях Саян, в долине реки Тагна. Ходокам земли Пихтинского участка понравились, долинские пейзажи Тагны напоминали бужские ландшафты, таежные дебри не смутили, корчевать не впервые!

Так и порешили записать здесь 24 земельных надела по 15 десятин каждый.

Вскоре стали приезжать новые переселенцы, которые везли с собой все: скот, необычную для Сибири домашнюю утварь, книги, прялки, ткацкие и токарные станки и даже камни для бань... везли через всю Россию пять тысяч верст, чтобы обрести на здешней земле утраченное на родине предков. К августу 1912 года на пихтинских землях поселилось около 200 человек.

СУДЬБЫ - ПУТИ

Стихия земельной реформы в тому времени переполнила Сибирь, в ее этнической неразберихе можно было с трудом разглядеть поселения татар, вепсов, белорусов и башкир, кержаков-староверов, смоленских русаков,- это напоминало возведение вавилонской башни на сибирских просторах. Но так, или иначе, земля приютила всех, хотя единой семьи не вышло...Но вопреки всему, каждый народ сохранил свою идентичность, язык, уклад жизни, историю и бытовую культуру. Может быть, в большей степени это относится к пихтинским голендрам.

Трех лет хватило мастеровитым плотникам на обустройство жизни. В деревнях вместо землянок появились основательные дома, что по древней традиции рубились в «ласточкин хвост», конструкции сшивались деревянными гвоздями, кровли убирались тесом. Каждый дом собирал жилую часть, хлев и амбар в одном объеме с непрерывными теплыми переходами, и это облегчало зимнее существование прежде всего для женщин. Жилая часть дома обмазывалась снаружи "крестьянской штукатуркой" и красилась известью, внутри жилье тоже белилось, но интенсивно подсинивалось по старому укладу, сохранившемуся до сих пор. Зайдите в любой дом Пихтинска и сразу почувствуете себе на фоне синего неба. Это

присутствие неба в обыденной жизни голендров отражает их набожность и всепроникающую веру.

Лишь только выросли деревни, огороды и поля на месте тайги, жители озаботились постройкой храма. Пихтинцы исповедовали, как уже известно лютеранство евангелическо-аугсбургской конфессии, основанной самим Лютером, и на новом месте были причислены к иркутскому евангелическо-лютеранскому приходу. Этнографу Наталье Галеткиной удалось познакомиться с любопытнейшим архивным документом тех лет, в котором иркутский лютеранский пастор Вольдемар Сиббуль ходатайствует перед переселенческим управлением об оказании помощи пихтинцам в постройке молитвенного дома, отзываясь о них, как о «народе трудолюбивом, молодом, благочестивом, знающем рациональную обработку

земли, но бедном..»

Что так и оказалось.

Молитвенный дом так и не построили, началась мировая война, патриотам России лютеране показались недоразумением.

Но их вера не предполагала посредничества храмовых священников,- путь к Богу куда короче! Люди рождались и умирали, женились и выходили замуж, но крестили новорожденных и отпевали ушедших сами, собираясь в доме "учителя". Его выбирали в лютеранской общине, как самого посвященного знатока молитвенной практики, он и руководил "набоженьством". Приезжий пастор, глава прихода, освящал позже все совершенные обряды, вел метрическую книгу, первая запись которой относится к 1911 году и свидетельствует о рождении в семье поселенцев Иоанна Зелента и его жены Розалии дочери, которую окрестили Брониславою.

Польские слова: «ксенжка, казанье, набоженьство» в обиходе у голендров и сейчас, только наполнились эти слова эпитетом «наши»: наши книги, наши проповеди, наши богослужения, и произносятся с особым смыслом и внутренним благочестием. В каждом доме обязательно есть польская библия «ксенжка», что привезена в переселенческом обозе сто лет назад, она бережно убрана в чистейший платок и достается из него только в молитве. Нынешний «учитель» Адольф Кунц по воскресеньям собирает общину для набоженьства в старом, музейном теперь, доме Гимборга. Возжигают свечи, достают из платочков ксенжки, рассаживаются в кружок, читают в начале «Отче наш», а затем в согласном песнопении псалмов ищут согласия с небом.

Нам позволили снимать. Был праздник Троицы. Ухоженная земля дышала плодородием. Небо высылось храмом. После молитвы все отправились на погост к своим ушедшим родственникам поделиться праздником. Понятным стало, что заботы о земле и заботы о небе неразделимы в круге жизни пихтинских обитателей. И это ощущение приближает народ к благодати.

1917 год принес беду и не одну. Одна беда не приходит. Эпидемия оспы прошла по Сибири и учинила смертную жатву в Пихтинске, унесла 11 человек. Следом явились большевики с их равенством, Советами, атеизмом, казенным раем на Земле, только

замешанном на крови... Гражданская война пришла как безумное ненастье, тайга переполнилась бандами то красных, то белых головорезов, ближние деревни трепетали от их набегов, крестьянская гопота шла к большевикам, трудолюбивые пахари ждали порядка от царя-батюшки, те и другие впадали в одержимость от собственной жажды и это было жаждой крови. Стоит перед глазами однажды увиденная в музее фотография: отряд красноармейцев только что расправился в Тагнинской волости с бандой Замацикова, бойцы собрали заколевшие на морозе трупы поставили их в ряд у амбара и сфотографировались на фоне ими же обезображенных тел. Кто из них бандиты?!

Бесчинства новой власти коснулись даже географии российской: прежние названия деревень были стерты (зачем народу память?!) и присвоено новое имя, одно на три деревни - Пихтинск.

Судьба опять оказалась милостливой к голендрам: гражданская война прошла мимо них, их большие семьи уцелели, разлад и раззор их не коснулись, а небесное отечество уцелело, но затуманилось,- почтовая связь с родственниками на Буге, которые теперь оказались в Польше, а с ней комиссары воюют, истончалась до предчувствия беды. Вскоре переписка совсем оборвалась и когда-то единый народ, живший на Буге, Волыни и в Сибири, осиротел в одночасье.

Красное колесо докатилось до голендров сначала колхозами – крестьянская осмотрительность уберегла от протеста – потом поголовным атеизмом - голендры не спорили с безбожниками и сохранили свою веру – большим террором, что хуже эпидемии... . Андрея Мартыновича Зелента, деда Ивана Зелента, в 1938-м расстреляли как участника австро-латышского заговора. Насколько анекдотичной была фантазия НКВД, но от крови не смешно...

Альвина Адольфовна Зелент пустилась при мне в воспоминания: "Сейчас я в паспорте как украинка записана. А что поменялось-то? Все, что могли, еще до войны изменили, когда в колхозы и совхозы согнали. Тогда и называть детей стали по-русски, и молиться перестали — так, если кто-то по домам собирался. Я за нашего вышла замуж, хотя, когда в другой деревне работала, за мной татарин ухаживал — какая разница. Потом война, трудовая армия — после этого о немцах вообще никто не заикался,

жили тихо и смирно, работали много. Всех нас советская власть уравнила, хоть и слышали иногда от родителей, что мы голендрами аль олендрами звались раньше. А что, смешно было бы, мы и голландцы — родня..."

Об Альвине Адольфовне стоит рассказать еще, а пока остановимся на ее оговорке "я за нашего вышла замуж". Слово "наш" на пихтинском наречии не просто местоимение, а признак одушевленности. Мир состоит для голендра только из тех, кто "наш". Крестьянский инстинкт самосохранения задал целому народу режим изолированного существования, режим анклав. Начиналось с того, что каждый выживает по собственным силам и рассчитывает на себя при любых обстоятельствах, даже самых горьких, но рядом есть наши и это они придут на помощь, не скупясь и не жалея себя. Собрался жениться – бери из наших, хочешь замуж – выбирай наших, нужда заела – спроси наших... Разумеется, это куда лучше и чище, чем "не верь, не бойся, не проси!" Но самое интересное, что понятия "не наши" отсутствует совсем: они гостеприимны и приветливы, добры и ласковы с приезжими, хорошо видят человека среди людей. Они пострадали столько, что составление их чисто и бесхитроно.

Однажды меня завлекли в гости к Юзефине Мартыновне Келеменко. На улице трескучий мороз, сугробы в человеческий рост, но дорожки к дому подметены, печь топится, в доме тепло и чистенько, чайник на печи урчит, запас дров у топки... В свои 94 года бабушка Юзефина живет в одиночестве и помогает ей по хозяйству вся деревня, не сговариваясь на то. Здесь всегда тепло, прибрано и есть чем угостить. Среди разговора я нечаянно попросил вспомнить трудовую армию, где провела она 10 лет, и пожалел о своем неуместном любопытстве: Юзефина Мартыновна замерла, окаменела, в глазах остановились слезы...

Пихтинские голендры испытали на себе и раскулачивание, и репрессии 30-х. Но самое страшное испытание, выпавшее на их долю,— это трудовая армия. В этом звучном названии коммунисты закодировали разновидность ГУЛАГа : «мобилизация» через военкомат и принудительный рабский труд за колючей проволокой.

Всех немцев страны с началом войны в кратчайший срок собрали в эти лагеря, заодно зачистили и голендров за их немецкие фамилии и во избежание продажи Родины в присаянской тайге. В трудовую

армию, в отличие от обычной, забирали и мужчин, и женщин, у которых были дети старше трех лет, и подростков, начиная с 15 лет. В деревнях остались старики со старухами да младенцы, - какая эпидемия сравнима с таким опустошением?! Казалось, они обречены на голод и смерть... Адольф Кунц, пихтинский учитель, вспоминает то время: «Мы всю лебеду вокруг деревни съели, а в 12 лет я уже за плугом пошел...» До сих пор им непонятно, каким чудом удалось тогда сохранить деревни, землю, народ и пережить ту беду. В марте 1942 года Заларинский военкомат забрал в трудармию из Пихтинска 45 мужчин в возрасте от 19 до 48 лет. А уже осенью того же года прибрали и женщин от 16 до 34 лет. Около 100 пихтинских жителей попали в заключение, выжили там лишь единицы. Только в ноябре 1945 года немцев-трудармейцев отнесли к категории «спецпоселенцев», а сняли с учета в спецкомендатурах в 1955 году. Многие пихтинцы отбыли в трудармии лагерный срок: 10 лет. Работали они на лесозаготовках и на строительстве новых лагерей, – их катастрофически не хватало... По воспоминаниям тех, кто остался в живых (таких немного), самые страшные унижения они терпели не от лагерного начальства, а от военнопленных немцев «Они нас "русскими немцами" считали и нас ненавидели, – вспоминает Рудольф Гильдебрант (8 лет в трудармии). – Придешь в столовую - он своему черпает со дна погуще, а нам водички сверху». Отец Ивана Зигмундовича Зелента вернулся из трудармии в 1945 году. Он был так изможден, что жена узнала его только по плотницкому рассеченному пальцу.

Уникальный случай произошел в трудармии с Карлом Людвигом, ему выпало участвовать в строительстве иркутского авиационного завода, он слыл на стройке непревзойденным плотником и поручился построить парашютную вышку приличной высоты из бревен. Когда конструкция была готова, ее увидел сынок Карла Иван, увидел и зарделся мечтой о небе. Сейчас в парашютном мире Иркутска Иван Карлович Людвиг считается лучшим инструктором парашютного спорта, на счету у него более 2000 прыжков, служба в ВДВ и его ученики – мастера спорта. Как говорить, и несчастье помогло.

Пока взрослые трубили срок, вокруг пихтинских деревень бродили люди из НКВД и райкома партии, получившие задание разобраться, немцы все-таки здесь живут или нет. Петр Людвиг не так давно по-

встречался в поселке Залари с одной из таких сотрудниц, которая утверждала, что, если бы услышала хоть слово по-немецки, отправились бы голендры в полном составе в дальние лагеря. Но Бог миловал – детишки и старики говорили только «по-хохляцки».

Однако, судьба не уберегла тех голендров, что не поехали в Сибирь и остались у Буга и на Волыни. После четвертого раздела Польши в 1939 году они оказались на советской территории. Пакт Молотова-Риббентропа предусматривал переселение «волынских немцев» в Германию и пропаганда рейха развернула на их землях мощную кампанию: «Возвращайтесь домой. Родина вас помнит и ждет!» И более 2000 голендров со своими обозами двинулись в «фатерланд» и стали «фольксдойче». Скитаться им пришлось до самого конца войны, пока не рухнул режим, в руках которого они оказались всего лишь пропагандистской игрушкой. Кто как мог сумел прижиться в послевоенной Германии, встроиться в новую ментальность и соответственно ассимилироваться.

Куда страшней был исход для оставшихся на советской территории, – их срочно собрали в эшелоны и депортировали на Восток, где следы бужских голендров затерялись совсем.

Как бы то горько ни было веками гонимому народу, но только на сибирской земле в таежном Присаяньи им удалось сохранить веру, идентичное существование, материальную и духовную культуру европейского крестьянства XVI века.

И сколько бы не спорили историки о происхождении голендров, отстаивая то германскую, то польскую версию, неизменным и важным остается их крестьянский корень, крепко сидящий в сибирской земле, – от него выросло такое мощное и красивое древо жизни, которое свалить не смогли бури и невзгоды жестокого века.

Стало быть, все иное – суета.

WYCIĄG

z księgi metrykalnej, części _____, o ślubach w roku 193_____,
w parafji _____ we wsi _____ powiatu Lubomelskiego.

Nr-aktów według księgi metrykalnej 1 r. 1908

Dzień, miesiąc i rok ślubu 28 stycznia 1908 r.

narzeczonego Andrej Ludwicz s. Andrej

Imię, imię ojca i nazwisko

narzeczonej Anna e. Jana Kunev

Zawód

narzeczonego

narzeczonej

rolnik
rolnik

Miejsce zamieszkania

narzeczonego Kol. Koberice

narzeczonej

Wyznanie obydwóch

ewang. Augsb.

Zarządca parafji

Ks. Andry

EVANG.-AUGSBURGISCHES
PARRAMT
ZU MÜSCICE-Neudorf
Den 18. Dezember 1908.

Heiratsurkunde.

Jahrgang 1908 A. 1.

Andreas Ludwig (evangelisch) 25 Jahre
alt, Sohn des Andreas Ludwig und seiner
Ehefrau Marianna geb. Broocka und
Anna Kune (evangelisch) 16 Jahre alt,
Tochter des Johann Kune und seiner Ehefrau
Elisabeth geb. Ludwig getraut den 28. Ja-
nuar 1908 (eintausend neunhundert acht)

im Neudorf

Ks. Andry

PAC-

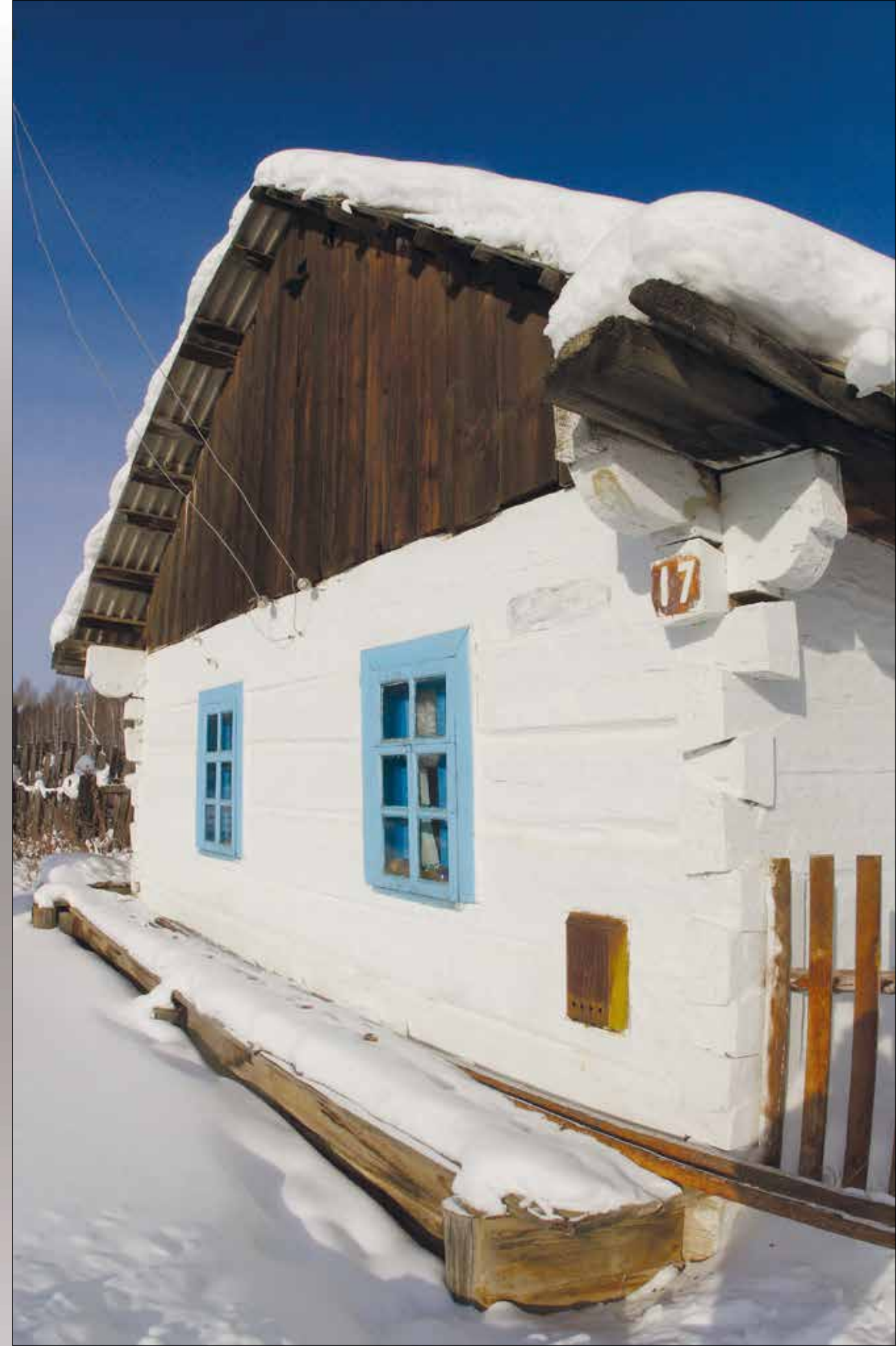

РОЖДЕСТВО

Морозно и снежно. Деревни до крыш укутаны в зимний наряд, светятся побеленные торцы домов, рифмуясь с наметенными сугробами. Дым из печных труб столбится в тишине морозного утра. Уже разметены дорожки и дороги, притихла в хлевах накормленная скотина. Аккуратно, с особым усердием сложенные в поленицу дрова украшают каждый двор, подчеркивая архитектурным изыском добрый нрав и заботливость хозяина. На дворе ни щепки, на скатерти – ни крошки: близится Рождество, а по-здешнему Руздво.

Раньше на Рождество ходили колядовать с Рождественской звездой.

Под окном стоят колядующие и спрашивают разрешение у хозяев:

«Пани господаржу, пани господиню. Позвольте нам коленды заколендовать». Когда хозяева разрешали колядовать, колядующие заходят в дом и поздравляют хозяев:

Выншус вас паньство

С тым Божим нарудзенем

Из Христуса Панна

Дай Пане Боже сщеньстве.

И здраве тэ свенто хвалебно.

Пиш ни провадзеть.

И Новэго рока дочекать.

А по Новым роке цо Пан Буг пожиче.

Дети малые особенно любят калядки, – на прощанье их одаривают-угощают... Пока горит Вифлеемская звезда все молятся и празднуют.

Но в деревенской жизни праздность кончается уже на завтра: бабы в старину лен трепали и ткали полотно на одежду, теперь же рукоделие с вышивкой, приданное молодым готовят; мужики отправляются за дровами, их на зиму не напасешься, или на промысел в тайгу уходят... Хотя Иван Зигмунтович Зелент припомнил в разговоре, как один дед увещевал его: « Охотиться собрался? Ты вот скотину дома покорми-поухаживай, а к зиме забей. Тогда будет тебе и мясо, и охота. А в тайге божья тварь водится, – пусть живет себе и кормится без тебя!»

И не попусту говорил: здешняя тайга все еще изобильна, если дорогу перебегают рябчики и куропатки. А кедрачи стоят такие, что не одно поколение от бескормицы спасли, особенно в войну. Волки по тайге ходят, но никого в деревне не беспокоят, нет баранов в хозяйстве.

Печи у голендров тоже по их разумению сложены: горячими сторонами

во все комнаты и плитой на кухню и называются «группка». Не пожалеешь дров и тепло на сутки задержится. Тут, возле печи, спроворив все дела, садятся за рукоделие, обычно это вышивка приданного для молодых к свадьбе (постель с подушками входят в традиционный ритуал) или новорожденным белье тоже расцветает цветочным орнаментом, не говоря уже о собственном убранстве. Галина Иннокентьевна Людвиг так разукрасила свой дом, что подушек в нем не счесть, орнамент не повторяется, цветы радуют глаз, а мастерица жалуется про то, как трудно без художественного образования...

А вот Петр Мартынович Людвиг совсем без жалоб, ловко, почти с мальчишеским азартом, плетет корзины. Освоил древнее мастерство голендров легко и быстро, совсем недавно, когда совхоз, которым он правил, закрылся насовсем. Богатым и работающим был совхоз, да оказался ненужным новой стране. Зато дом теперь переполнен корзинками и дарит их Петр Мартынович с удовольствием. Примерно так же поступил Юрий Абрамович Ножиков: уйдя из губернаторской власти, он стал разводить сосны у своего дома. Теперь эти сосны обжили всю его улицу...

Домашний обиход голендров неповторим, – дерево для них универсальный и уникальный материал, из которого делают не только мебель, но рубят петли и подпятники ворот, вырезают шарниры дверям и оконным створкам, выделывают посуду, бочки, жбаны, плетут из лозы колыбели, корзины, а какие вилы и грабли к сенокосу ладят – залюбуешься...

Елена Владимировна Людвиг, главный хранитель здешнего музея, пытается сохранить не только материальное наследие предков, но и обряды, ритуалы, приметы, полагая в них не просто этнографию, а живую ценность поколений и уникальную культуру народа. Остается при этом усердной деревенской хозяйкой: бегаёт за скотиной, ухаживает за огородом, растит троих детей и все они трудолюбивы, послушны и самостоятельны. Дмитрий нынче закончил школу и учится на мехфаке в сельхозакадемии, хотя давно уже получил от отца трактор, Светлане 12 лет и ни одной дойки без ее участия рядом с мамой не бывает, а пятилетний Петр, по прозвищу «Великий», и рассуждает по-взрослому, и скор на поступок, но по своенравию – будущий лидер.

Январский мороз не жалуется, кого бодрит, а кому и уши прищипывает...

Деревенская улица не пустеет: запрягается лошадь в сани, и кому в лес по дрова, кому за сеном за околицу, а кому просто в магазин... Детям и мороз не помеха, с улицы не выманить.

Отгуляли Рождество – год впереди.

Музей-усадьба
помещика
Тимборга
1912 год

ОТ ПАСХИ ДО ОТЖИНОК...

За неделю до Пасхи в вербное воскресенье дети заранее ломали вербные веточки, и рано утром ходили по домам вербабнили всех, кто уже встал, или кто ещё спит, при этом легонько бьют вербой и произносят такие слова: «Вербабна нидиля

За тыждынь великдынь.
Будьте здоровы як вэрба,
Найбыстрейши як Вуда,
Умыватысь мулучком,
Уптырайтесь рушнычком,
Умывайтыся вудою,
Уптырайтыся шматою».

И если в доме есть дети, то говорят ещё такие слова: «Ны всырайся, ны всыкайся».

Хозяева детей благодарят и угощают их чемнибудь вкусненьким, например: конфеты, печенье, пряники...

За два дня до Пасхи люди наводят в доме и на улице порядок, стряпают пироги, красят яйца и расписывают их воском по прихотливой древней технологии. Готовые яйца в день Пасхи ставят на праздничный стол. Утром во время завтрака глава семьи чистит одно яйцо и делит его на столько кусочков сколько членов семьи, каждый должен обязательно скушать этот кусочек яйца. При этом хозяин говорит: «Христос пан з мэртвых встал», ему отвечают: «Правдиво же встал».

До обеда в День Пасхи никто не должен веселиться, а только богу молиться. А уже после обеда можно было идти в гости и обязательно с собой взять крашенные яйца, чтоб угостить кого-нибудь.

Отгуляв Пасху, собирались в поле, льны сеять, потом пшеницу, и поле не отпускало от рассвета и до сумерек, а работа была продолжением праздника.

Троица попадала на светлое лето, крыльцо перед домом украшали распустившимися березками, в дом и в хлева настилали березовых веток для летнего обновления, и молились по ушедшим родственникам.

А с Петрова Дня начиналась самая праздничная работа – сенокос, когда выходят на луга всей семьей от мала до велика, даже немощным не усидеть дома. Одевались в светлое и чистое, косы и вилы с граблями ладили, слаженно и сноровисто ставили копны на волокуши, чтоб зимой по необходимости подвезти домой свежего сена.

Ильин День поворачивал лето к осени, созревали хлеба, вырастал лен, близилась жатва – женская работа по преимуществу. Земля словно рожала плоды свои наедине с бабами. Наступающий праздник многие пихтинцы еще помнят: «Отжинки».

В поле на жатву шли со специальными молитвами.

После окончания жатвы женщины из последних колосьев делали снопочек и обвязывали его веночком из цветов. Этим снопочком встречали хозяина и дарили ему этот снопок, затем вешали в амбаре и хранили до самой весны, а весной вышелушивали зерна и первыми сеяли их в землю.

Вже мы жито дожали
И снопочки звязали,
А сусиды линывы,
Стдить жито на нивы .
Наш господарь рано встал,
Выжев жито втрое встав,
Стрихи гурихи литили,
Жницы гурилки захтили.
Наш господарь кудлатый,
На горилку бугатый,
Як кудламы затрасэ,
Нам гурилку прынысэ.
Учунитэ вурута,
Нэсэм вэнко зазлота.
Не зо злота, а с жита,
Дай же боже с пожиты.
А выночка на кулок,
А гурилку на стулок .

Стоит сказать, что стараниями сотрудников Заларинского краеведческого музея в согласии со старожилами эти песни и обряды восстановлены, записаны и сохранены, как и Таинство Крещения, о котором расспросили стариков. Юлия Григорьевна Людвиг говорила: « Ребенка крестили как можно скорее, его вообще до крещения нельзя было оставлять одного ни на минутку, чтобы сатана не пристала. Под голову ребенку в колыбель ложили Ксенжку, книгу с молитвами. Наши набоженьства свершаются в такие дни: Рождество Христово, 7 января; Новый год, 14 января; Крещение в день Яна Евангелиста или Иванов день, 7 июля; Мартинов день. На все эти праздники мы поём Песни. У нас говорят: Великий Пост ХОДИТ, Пасха ХОДИТ.»

ДРЕВО ЖИЗНИ

У Альвины Адольфовны Зелент десять детей, двадцать три внука и четыре правнука. Когда съезжается вся семья, а их с детьми собирается около 60 человек, улыбка не покидает ее лицо,— семидесятилетняя женщина светится юным светом. А вареники с творогом и черникой не выводятся на столе.

— У нас всегда по многу детей рожали — раньше по десять-двенадцать, сейчас у большинства по три-четыре. Я вот в сорок лет вдовой осталась, так старшие уже подросли, помогали. Тяжело было, конечно — в войну всех позабирали в трудовую армию, считай, что в лагеря. Оставляли только стариков древних да детей. Сказали, что мы немцы, враги. Да и ладно, только бы в печь не толкали. А на жизнь грех жаловаться...Я и в совхозе за двоих вкалывала, и на сенокосе от мужиков не отставала, а сейчас без работы тоска берет. Тку потихонечки половики себе да соседям, каждое утро - стряпня у меня, а вечерами приданное девкам вышиваю потому, что еще не все внучки выданы...

Между тем, деревни пустеют, зарастают огороды и пашни,- в пору с козой приходить, что и делается; дома ветшают и рушатся, старики и старухи остаются, которым город чужд. А молодежь разбрелась по губернии, переженились дети уже не на наших, что и хорошо... Но каждую субботу и воскресенье деревенские улицы переполняются автомобилями,— дети съезжаются погостить к родителям, да помочь по хозяйству.

Продолжается жизнь сообща, в которой давно не разобрать, где наши, а где нет...

А в первое воскресенье июля традиционно празднуется День Села, тогда деревенские сеновалы не вмещают съехавшихся деток, а на лугах и огородах расцветают палатки.

Совершенно особенно празднуется Троица по православному календарю, но с той разницей, что поминают в этот день, а не в Радоницу, усопших родственников. Утром молитва, потом поклонение могилам предков, потом поминальное застолье.

Как раз на Троицу мы и застали всю огромную семью Альвины Адольфовны, заранее условившись о съемке. Мужики поговаривали в сторонке, пока их дамы хорошились, малые дети вились вокруг бабули, заглядывая на распутившиеся юные березки, которыми на этот день украсили крыльцо. Свежесрубленные деревца послушно зеленели.

Долго не получалось рассадить всех на домашнем крыльце, теснились-теснились 60 человек в кадре, но никак не умещались на ступеньках. Выручили мужики: схватили детишек на руки, покрепче прижались к сестрам или женам, всем стало весело и хорошо. А потом пошли на луг за домом, где, уже не спросясь, выстроились под солнышком единой семьей.

Ее дом в Замостече устроился на самом берегу реки, сидя на крыльце водяные струи слышны, а если пройти огородом, то попадаешь на луговину, и красуется на ней винзарня... Этим волшебным словом здесь зовут печь для копчения колбас и сала, которую устаивают вне дома. После Покрова забивают скотину, фаршируют колбасы на весь год, коптят их несколько часов, потом укладывают в бочонок и заливают салом. Закуска, скажу вам, отменная и никогда не кончается. Коль речь зашла, голендры изобретательны в самой простой еде, их кухня собрала все лучшее из простейшего и содержит аромат древности: черемшу они заправляют простоквашей, борщ заливается сливками и подается он к свадебному столу, про картофлянки и сырники можно только слюну глотать... Кстати, самогонные аппараты смонтированы у колодца-журавля для удобства и чистоты процесса,— я пробовал и решил, что виски отдыхают...

Ежели они так вкусно едят, значит и работают со вкусом и жаждой. Конечно же, даже скажу больше: жажда работы передается по наследству и невидимая цепь генотипа начинается в той далекой стране, откуда родом лютеранство. Стоит вернуться к воспоминаниям, чтобы убедиться в этом.

«В 1912 году мои родители, Андрей Михайлович, Екатерина Ивановна Зелент и сестра Юля переехали на жительство в Дагник. Строиться решили в огромном лесу около болота вместе с дядей Михаилом Людвигом. Корчевали Лес, тут же строили дом, который потом прозвали старым домом. За одно лето построили избушку, на две семьи купили одну корову, вместе пилили лес продольной пилой на брусья. За лето 1913 года построили сруб дома и покрыли его. К зиме купили лошадь, заготавливали шпалы и вывозили их на берег Тагны, а за хлебом ездили на базар в Троицкий завод за 50 километров. Мама занималась огородом, коровой, сеяла лен, ткала холст, одевала нас, учила меня считать и писать...»

Так бесхитростно описывал Зигмунд Андреевич Зелент первый год жизни в Сибири, словно кроме работы он в этой жизни ничего и не знал...

Знать то знал, но ведал при этом, что «Надёжное пристанище — наш Бог, надёжная защита и мощное оружие.»

Эти слова Мартина Лютера высечены на памятнике первым голендрам Пихтинска.

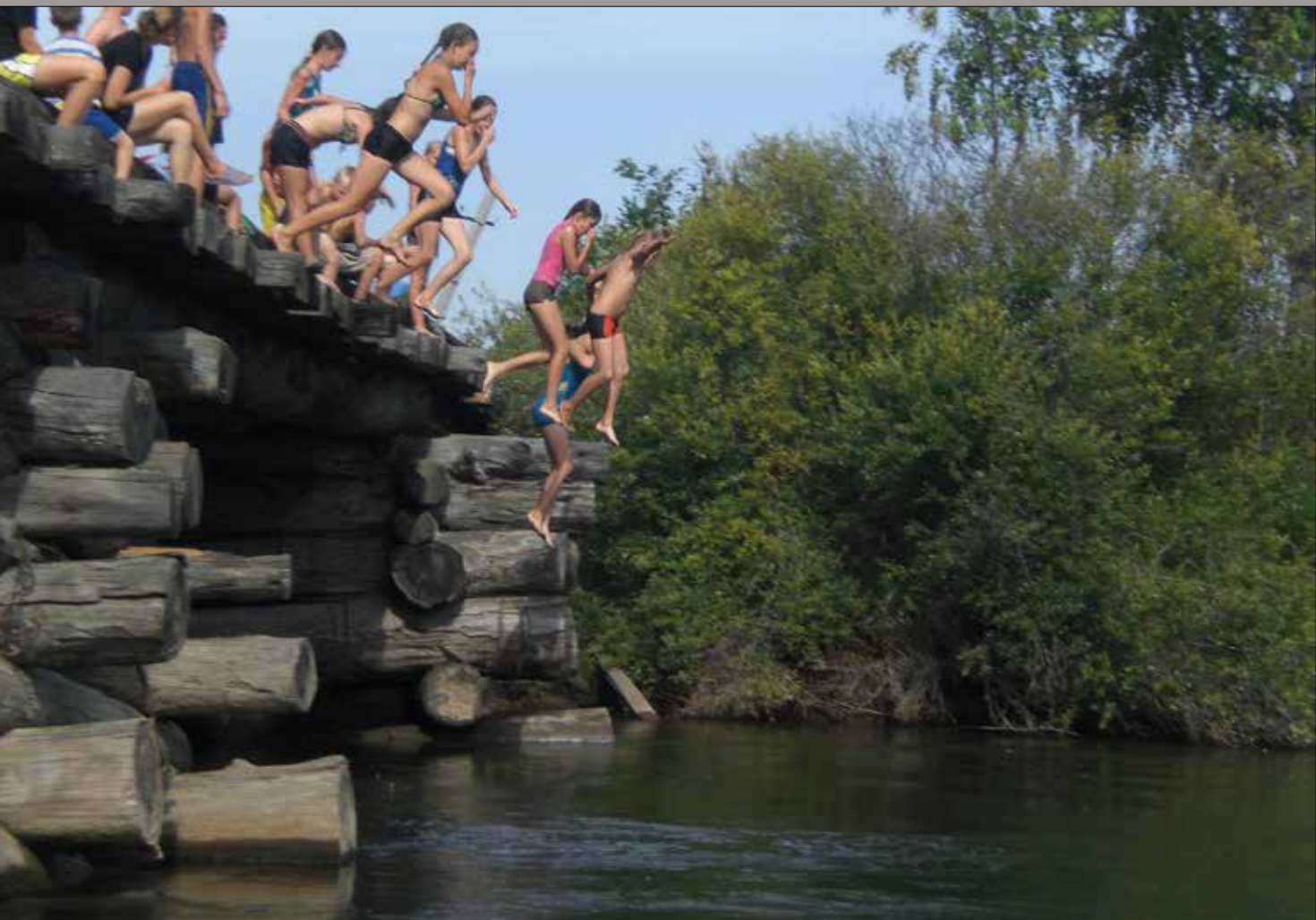

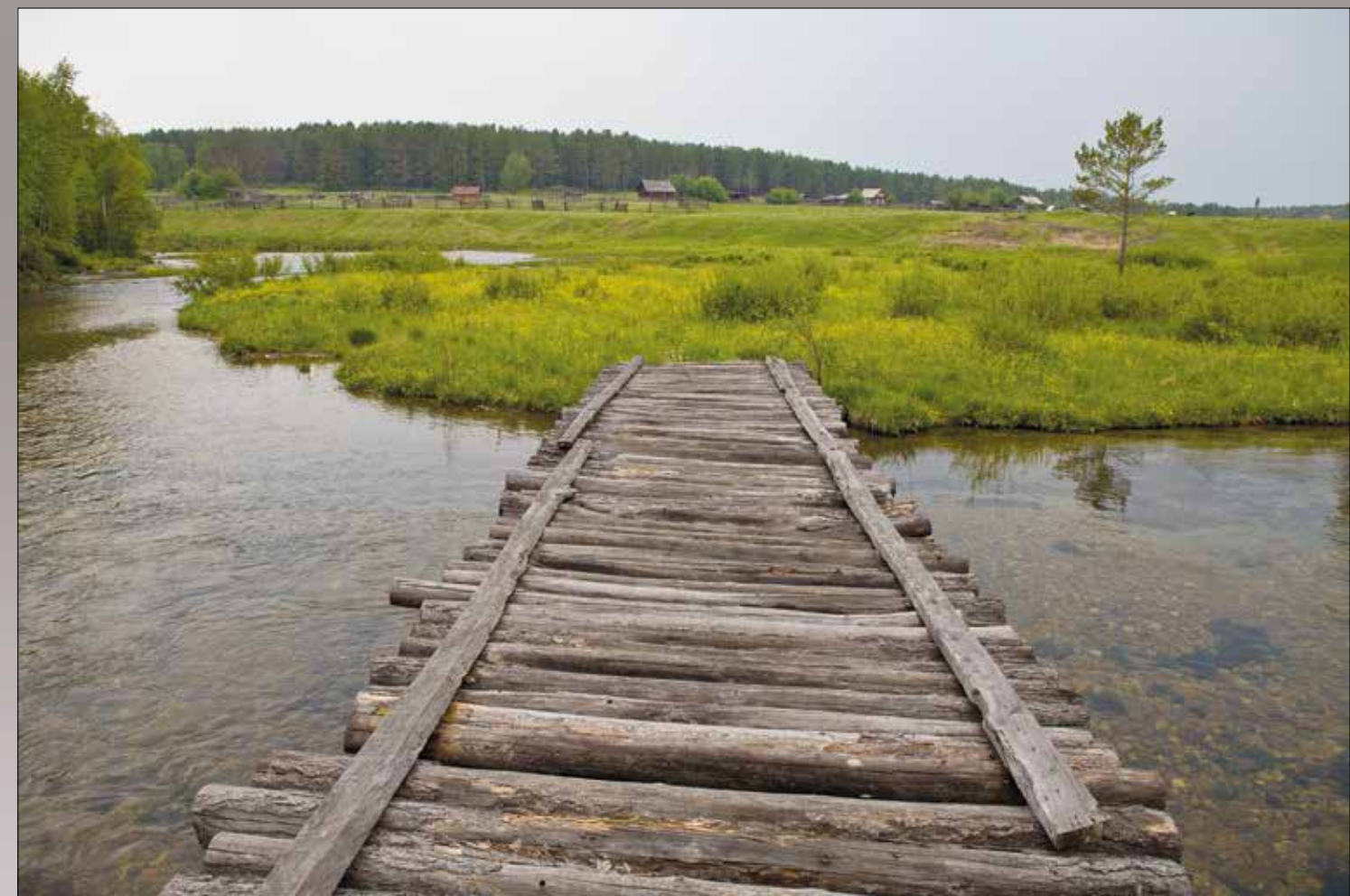

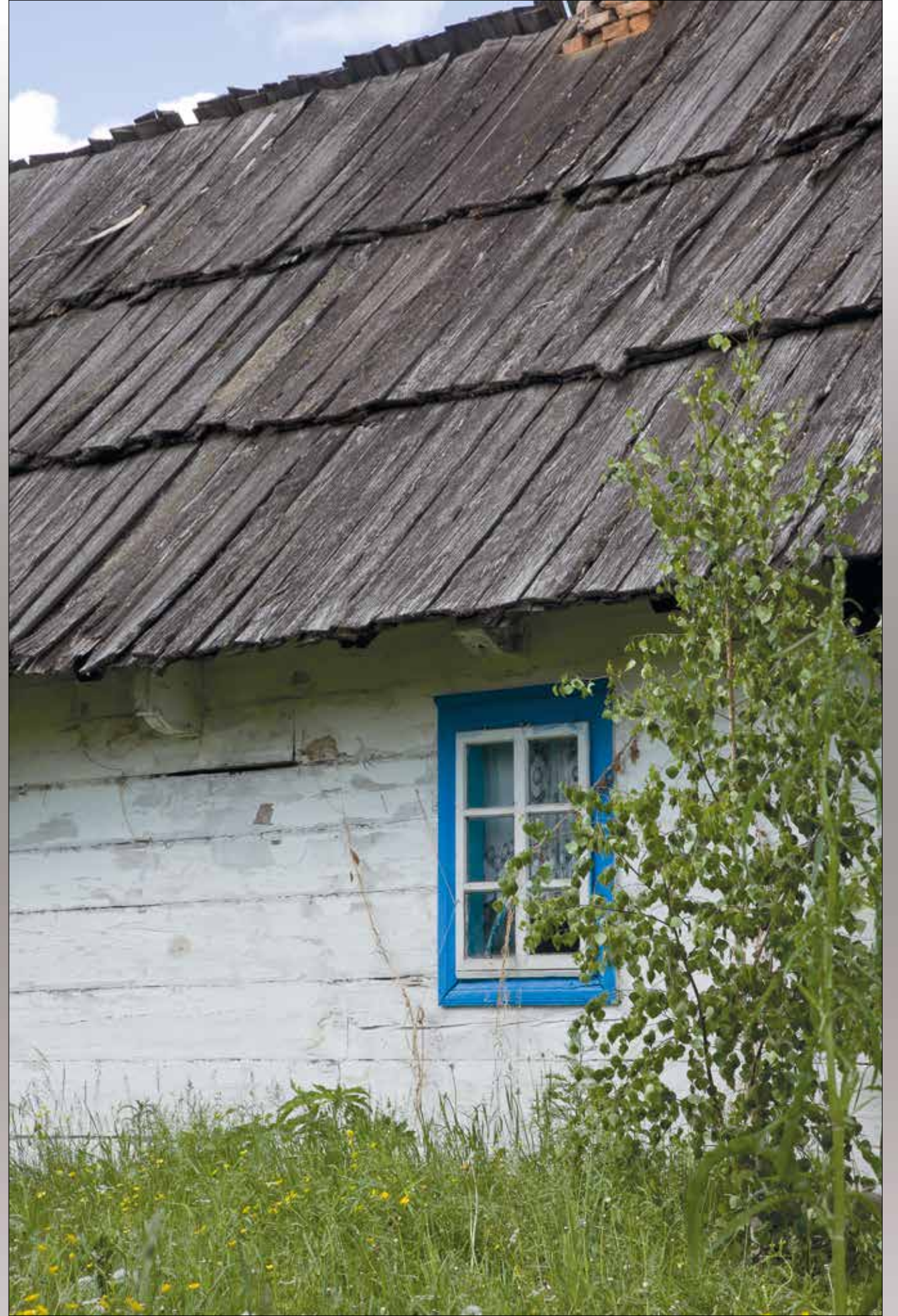

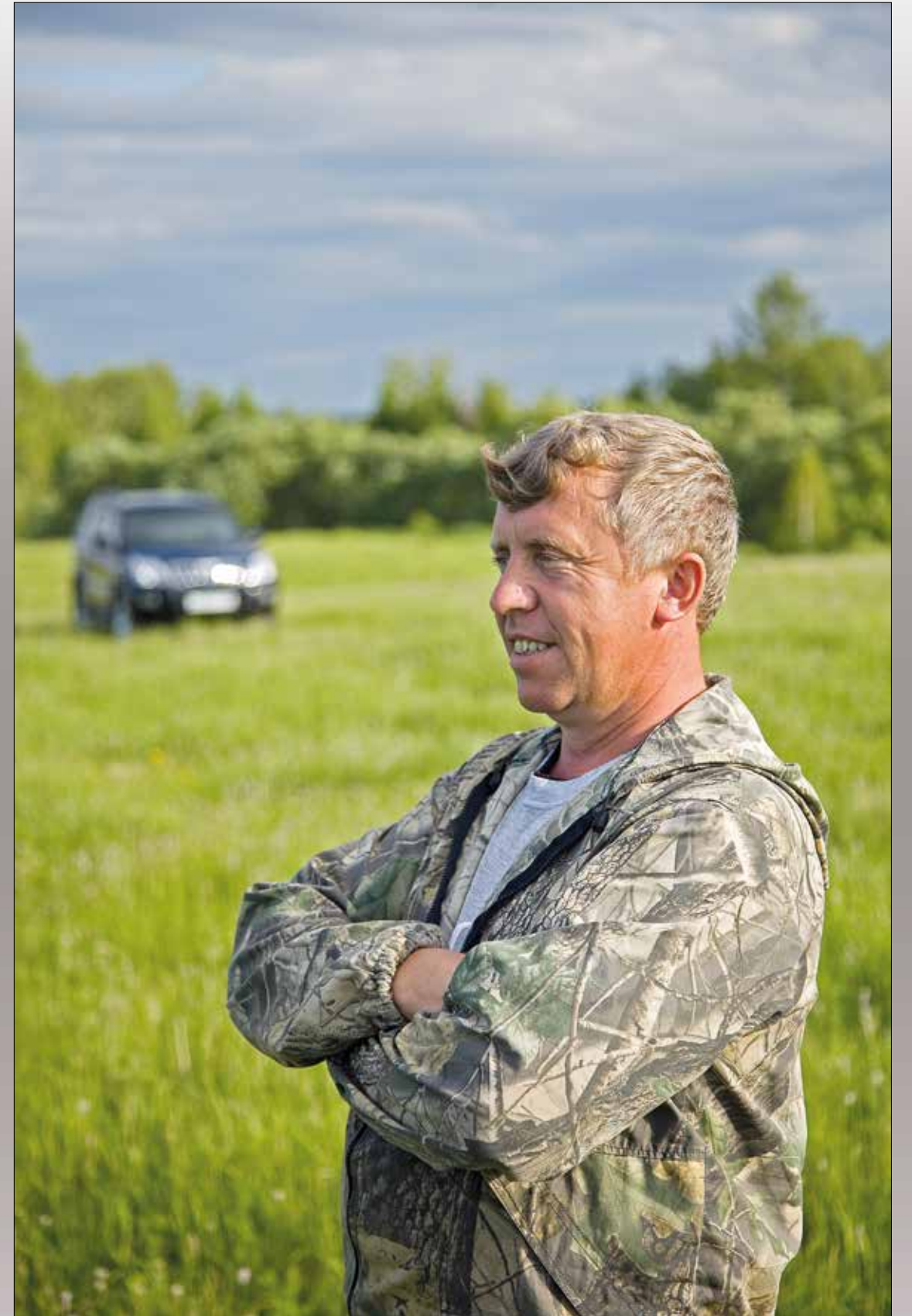

СЕНОКОС

«Всякий, кто дорос, спеши на сенокос!» – не попусту говорили в старину, – вся деревня, стар и мал, в эти дни на луговине. С Петрова дня, а дальше по погоде сенокос мог продолжаться и до конца июля.

Впрочем, эту пору с нетерпением ждали не только молодые, но и зрелые люди – не так много было в их жизни времени, когда можно было подпитать душу и наполнить отрадой сердце.

После хорошего косца луг оставался ровным, а работа вкупе с умением и сноровкой доставляла истинное удовольствие. Обернется косец назад – сердце радуется. Теперь, правда, косы почти забыли – на то тракторные косилки и грабли есть, но радость от работы не померкла.

На сенокос в Пихтинск съезжается вся городская родня, «наши» и здесь в пору и вовремя. Уже ближе к Замостечью, мы залюбовались на красующиеся стога на лугу, остановились, вышли и только тогда заметили на дороге вереницу тракторов с граблями. Сговорились и вслед за ними на луг. Тут же появился народ в изобилии, приодетый по-городскому со шляпами и шортами, но умелый и приспособленный к граблям и вилам.

Прошлой ночью прошумел ливень, а с утра солнышко припекло и, чтоб сено не сопрело, все набросились на копны, стали их разваливать – расстилать по лугу для просушки, чтобы потом собрать заново уже сухим. В старину именно так выхаживали сено, вот живые воспоминания:

«Скошенную траву бабы и девки немедленно разбивают, то есть расстрепывают рукоятками граблей для того, чтоб солнце и ветер могли лучше ее просушивать. Разбивка эта производится целый день под палящими лучами солнца. К вечеру разбитое и почти сухое сено сгребают в валы, а из них уже образуют копны,

На другой день, когда роса уже поднялась, копны эти разваливают кругами, а потом опять сваливают в копны и мечут в стога. Этот порядок обыкновенно бывает при уборке в ведренное время, но ежели случайно находят тучи и перепадают дожди, то при уборке сена бывает много хлопот. Когда тучка еще находит или невзначай пойдет дождь, стараются сено, если оно еще не в копнах или если копна развалена, немедленно скопнить, и сено остается в копнах во все время ненастья. Но как только проглянет солнце, сейчас копны разваливают и перебивают сено до тех пор, пока оно совершенно просохнет».

Кстати, рачительный крестьянин, делая стожок, в котором сено порой хранилось до весны, сначала устраивал зарод. Это шалаш-пирамидка из

5-6 кольев, расставленных снизу по кругу диаметром 2 м и связанных между собой наверху. Стог сена накладывался на этот зарод, и сено в стожке не спревало. Внутри стога, если проделать нору, можно было укрываться и спасаться от мороза даже лютой зимой.

Участвовали в сенокосе все: от мала до велика. Только вот ребятне не доверяли забираться на копну, чтобы укладывать сено. Дело это требовало особенного мастерства — в каждой деревне был свой «специалист» по укладке копны, у которого стога получались красивыми и ровными. Над кривыми стогами посмеивались: «Каков стогарь, таков и стожок». Были при укладке свои секреты: стога делали высокими, а их наверхие укладывали с особенным старанием, разрывая заброшенные охапки на более мелкие и укладывая сначала по кругу, а потом и в центр стога. Хорошо сложенное наверхие дождик уж точно не пробьет, а значит, сено не сгниет, и труды не окажутся напрасными.

Не просто было мастеру слезть с высокого стога. Для облегчения спуска через вершину перекидывали вожжи, которые держал кто-то, стоящий на земле, а мастер, держась за вожжи и медленно передвигаясь, осторожно, чтобы «не поехало» наверхие, спускался с другой стороны.

Вот и мы решились заехать с другой стороны, перебравшись на просторную луговину за Тагной, и там восхитились размахом страды: до самого горизонта высятся зароды, меж ними суетится работающий люд.

Как оказалось, каждая группа – это семья и ее помощники. Старики ворчат, как им кажется, по делу, ворчат с матюшками, молодые подхохотывают, но делают свое дело исправно, толково и поспешно, – привычная работа, высокая до небес радость.

А небесная картина не обещает дождя, а потому все спешат еще пуще, наваливаются на работу всей мощью деревенской, когда шуточки сами слетают с языка.

Подсохшее сено тут же отвозят в деревню, забивают им сеновалы, куда и упрятывают на добрый сон гостей званных и нежданных.

От луговины в деревню ведет мост через реку, положенный сотню лет назад вековыми бревнами. И вот на него въезжает трактор с высоченным стогом сена, а на капоте браво пристроился один из стогарей, доверив справлять мальчишке зв рулем этот торжественный карнавал сенокоса.

А на исходе зимы потянутся обозы с этим сеном в соседние деревни, где свое сено успели скормить и теперь пихтинские запасы нарасхват, как и в прошлые годы. Так продолжается сенокосный карнавал.

СВАДЬБА

Свадьба у голендров - сложный и до последнего движения распланированный ритуал, в котором важно все до мелочей. Не predetermined только мера веселья, а она безмерна. Празднуют три дня. Накануне отправляют сватов. Их торжественное облачение отличается цветочной гирляндой на пиджаке и плетью с разноцветных лент, сваты тоже украшены лентами, причем самыми длинными. - неровен час запутаться. Первыми сваты приглашают на свадьбу невесту, её родителей, кухарок и всех, кто находится в доме. В последнюю очередь сваты приглашают жениха и всех, кто там находится.

Первый день свадьбу гуляют у невесты. Когда жених со своими гостями приходят в дом к невесте, то родители обмениваются хлебом, а сваха со стороны невесты объявляет «пучанток высилья» (начало свадьбы). Девушки цепляют гостям свадебные цветочки, а перед тем гости положат в тарелочку деньги. Женатым гостям цветочки цепляют на правую сторону, а неженатым на левую сторону. Перед застольем гости веселятся, танцуют под гармошку. После танцев сваты усаживают всех гостей за стол.

Родственники невесты садятся со стороны невесты, а родственники жениха - со стороны жениха. Наконец сваты несут каравай, украшенный «ругачами», а это березовые ветки с разноцветными лентами и подвешенными на них конфетами, что символизирует древо жизни и сладость жизни одновременно. Отец невесты говорит такие слова:

«Просимо Пановы гости на той дар
Цо нам пан Бух дал».

И после этих слов, гости обрывают конфеты с ругачей и начинается застолье. Ругачи с караваев вытаскивают, вставляют в угол над женихом и невестой, а каравай разрезают и разламывают гостям. Вечером невесту провожают к жениху. Молодые стоят напротив родителей, верующие поют, а когда молитву пропели, невеста и жених целуют родителей, а потом всех остальных гостей. Потом сваты берут под руки молодых и увозят к жениху. В доме жениха расстилают от крыльца до калитки половик и молодых встречают кухарки, в руках у кухарок крышки от кастрюль, поварешки, они гремят и трайлялякают.

На второй день жених со сватом едут за тещей. Тещу встречают маршем и все садятся за стол снидаты (завтракать). Когда уже все гости собрались, гармонист играет паненский танец и молодые дают прощальный танец с женихом и невестой. Танцевать первыми начинают дружки, а по-

том вся остальная молодежь. Тем временем, сваты и свахи едут в дом ко второй свахе со стороны жениха за чепцом.

Тут мы переведем дух и вспомним, что чепэц шьется матерью невесты и становится символом женской судьбы. Замужняя женщина одевает его по праздникам, свято хранит всю жизнь, никому не доверяя, и однажды он станет ее погребальным облачением. Такова голландская традиция, немцы и поляки, к слову сказать, такого не знали.

Тем временем сваха со стороны жениха и сват уводят невесту и жениха, чтобы невеста сняла свадебное платье, и надела другой наряд, фату не снимают. Сваты под марш выносят лавки и ставят напротив друг друга, на одну из лавочек садятся родители. Сваха под марш выносит две приданные подушки с вышитыми наволочками и кладут их на вторую лавочку, подушки накрывает сверху платками. Жениха с невестой сажают на подушки, дают им в руки тарелки, прикрытые салфетками, там лежит чепэц, расческа, духи, одеколон. Сваха со стороны жениха спрашивает у родителей разрешение снять с невесты вэлен (фату) и надеть ей чепэц. Родители благославляют невесту и жениха. Одновременно сваха и сват надевают невесте чепэц, а жениху шапку. Под выстрелы гармонист играет и все кричат «виват» три раза. Надев чепэц и шапку, сваты снимают с жениха и невесты свадебные цветочки и цепляют их на правую сторону – это значит, что они уже женатые. После этого родители поздравляют детей и кладут на тарелки деньги. Сваты тоже кладут деньги и при этом сваха кричит «На чепэц», а сват кричит: «На шапку», и родственники жениха кладут подарки жениху. И вот теперь молодых поднимают вместе с лавкой три раза, кричат «вива» и стреляют. Обряд «прибить чепэц» исполнен! Невеста завязывает ленту на гармошку, гармонист начинает играть, а женатые гости танцуют с молодоженами. Первыми танцуют сваты, потом тети, дяди жениха и невесты, а потом и все остальные, во время танца кричат «наш» или «наша» Сваты берут молодых и ведут за стол и свадьба продолжается до вечера. На третий день свадьбу гуляют у жениха.

Вот такой «протокол» свадьбы был записан краеведческим музеем Заларей со слов пихтинских старожилков.

Мы, авторы книги, успели погулять на такой свадьбе, молодых поздравили, веселье разделили, самогонки отведали, на сеновале поспали...

В то утро в большой семье Альвины Адольфовны прибыло, – женился один из ее внуков...

То ли еще будет!

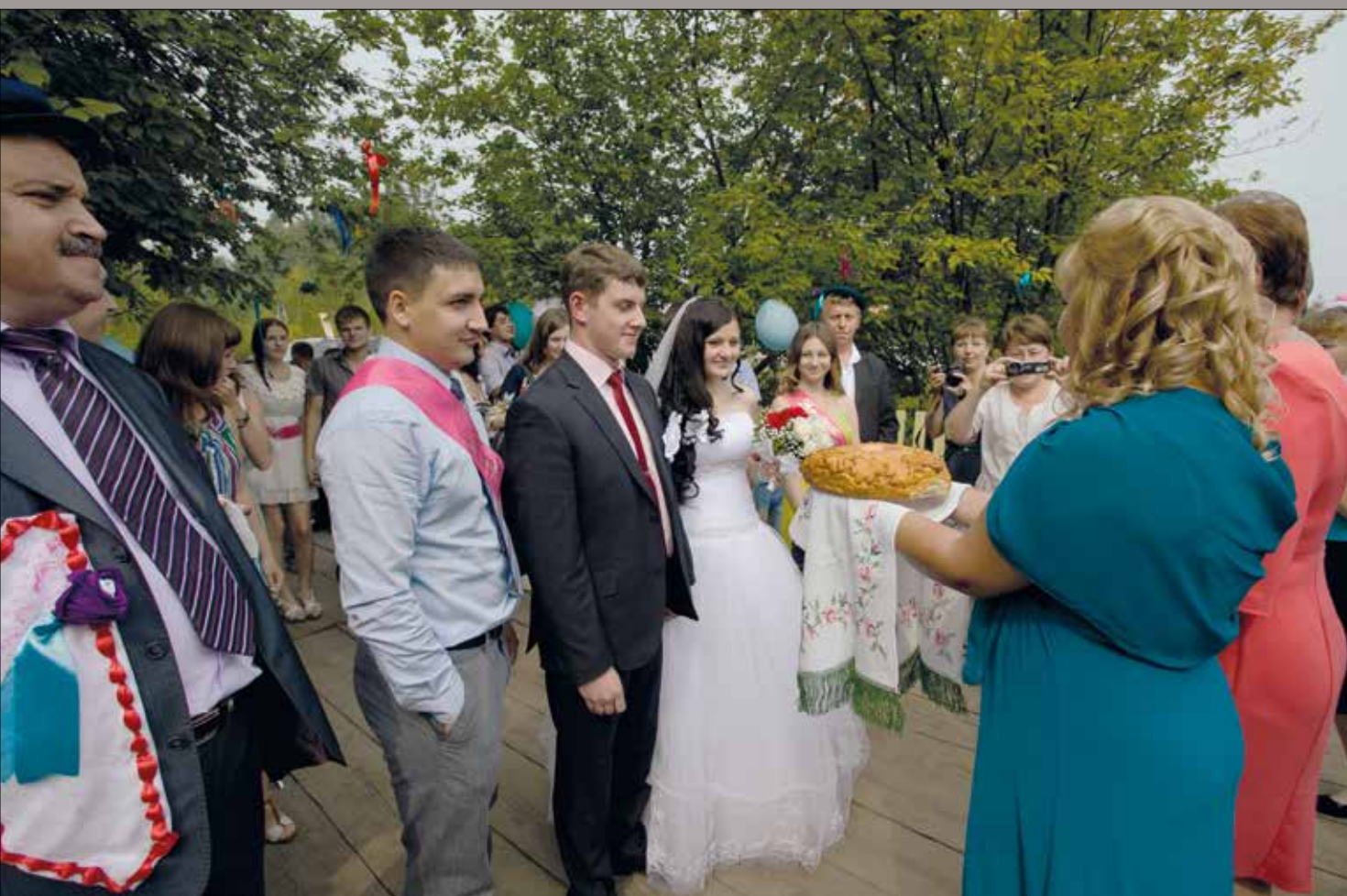

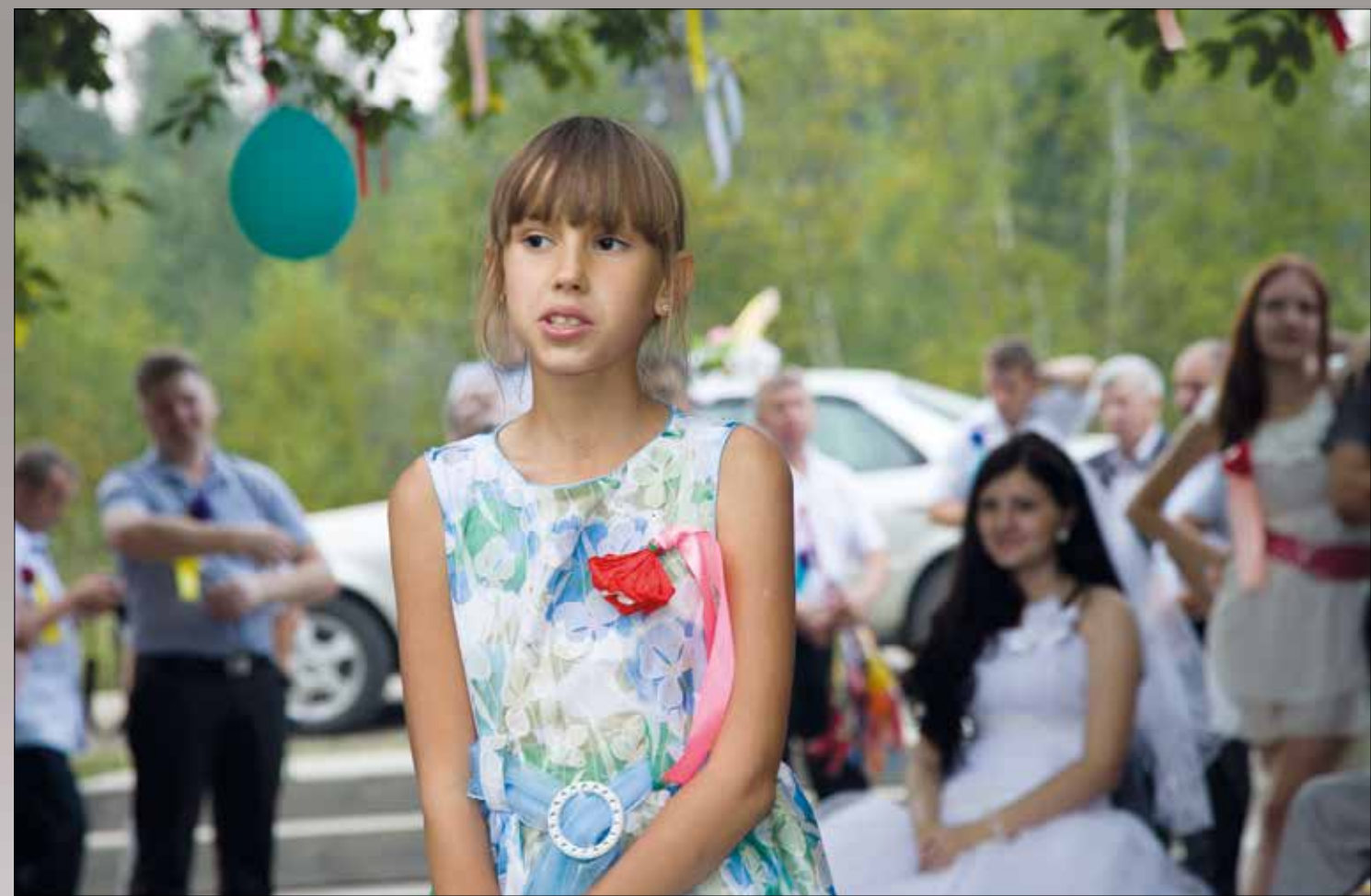

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Вернемся в Пихтинск, ведь жизнь не останавливается.

Крестьянская работа правит свой календарь, и жизненный поток стремительно несет всех живущих заботами о земле-кормилице. Уже остывает перед зимой пашня, уже выкопана картошка – целые горы ее закладываются на зимнее хранение – собранной с полей тыквой будут подкармливать коров, чтобы зимнее молоко было особенно вкусным, сеновалы, как обычно, переполнены... После Покрова начнется забой скотины, подымутся дымы над винзарнями: колбасы, окорока и копченое сало появятся на столе в изобилии, а возле колодцев самогонка окажется вроде сама по себе. Но пир не затянется надолго, если впереди Рождественский пост, Адвента, как называют его лютеране, он долог и суров, но в крестьянском календаре неизбежен.

Так спокойно и без волнений и текла бы жизнь возле земли, давно любимой и ухоженной, вдали от пыльных дорог, шумных городов, избирательных кампаний, культурологов и супермаркетов, если бы...

Если бы не было сенсаций вокруг удивительных трудолюбивых (на фоне сегодняшнего тотального безделья) людей, сохранивших в сибирской глуши традиции европейского крестьянства, которое не знало крепостного права, где всем правила общинная конституция, где ценились мастера и почитались старики, а привилегии касались только женщин и детей...

Только этот, трудом и разумением обретенный, рай постоянно рушился то геноцидом герцога Альбы, то казачьей войной на Волыни, когда головорезы Богдана Хмельницкого бросились спасать православие на польской земле и в кровавом восторге перебили не только католиков, но и лютеран. В 1648 году бужская колония Нейдорф была разграблена казаками и 70 ее поселенцев были казнены на рыночной площади в Славатыче и эту трагедию описал Г. Сенкевич в романе «Огнем и мечом». Такие события не иссякают в генетической памяти народа, которого судьба гнала сначала через Европу, а потом через Сибирь в поисках своего рая. Крестьянский инстинкт своего места заставлял их надежно вращаться в среду обитания, заимствуя чужой язык, уклад жизни, воспитывал терпимость к чужим, оставляя нетронутой только веру. Но и она отчасти ассимилировалась в своей обрядовости сначала в Польше, а потом и в России. Гонимый народ собрал на своем пути самые ценные культурные традиции, сохранил и обжил эти сокровища посреди сибирской тайги.

Мы же, сибирские обитатели, воспитанные большевиками в идее «новой исторической общности советских людей» и не могли себе представить удивительный иной мир на наших землях.

Потому узнавание превратилось в сенсацию. А на постсоветском пространстве любая сенсация оборачивается очередью жаждущих прислониться и обнаружиться. В Пихтинск потянулась длинная череда журналистов, исследователей, просветителей, туроператоров, охранителей и сохраниителей.

Пристальное внимание извне в не самый благополучный период «перестройки», когда рухнул совхоз, прилипла безработица и начался процесс возвращения к частным хозяйствованиям на земле, вряд ли оказался кстати. Изрядно отвлекаясь на приезжих, голендрам нашлось времени осмыслить свое прошлое и начать собирать осколки своей истории.

Собрав по дворам уникальные экспонаты, они сообща создали великолепный маленький музей, восстановили и реконструировали основные народные обряды, объединили в этнографический ансамбль поющих женщин... А это уже путь к возрождению.

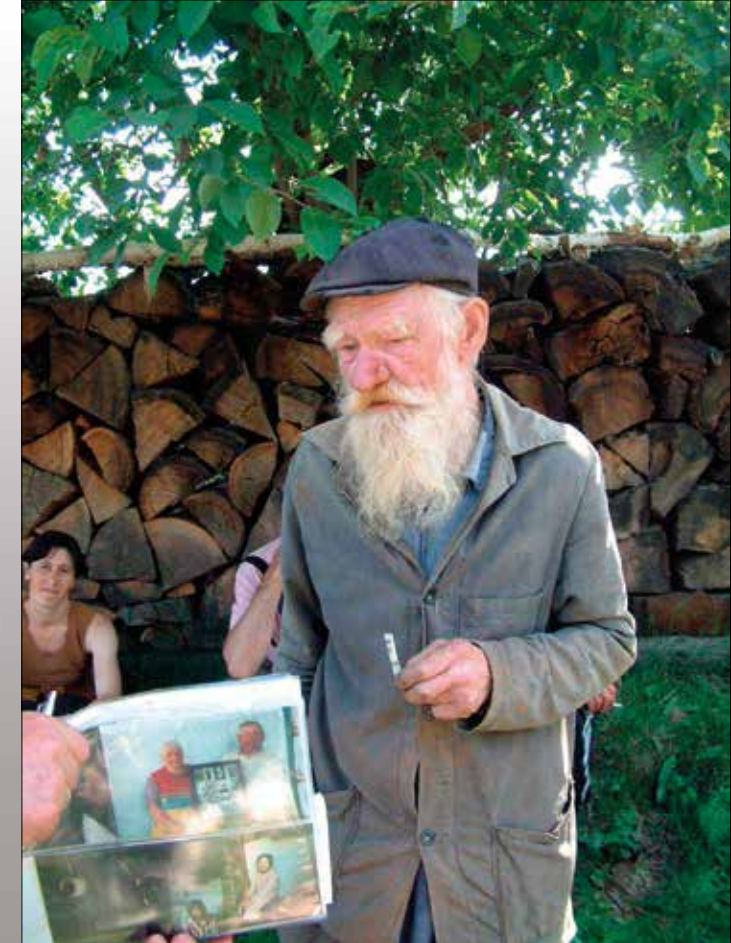
Однако, стоит помнить, куда вымощена благими намерениями дорога...

Деревенское пространство голендров последнее время обозначено брошенными землями, рухнувшими домами, запущенными огородами и убывающим населением, а одновременно и ускоренной музеефикацией деревни и привлечением «потока туристов». Наивно было бы не предполагать последствий, оглянувшись на древние китайские деревни на туристских тропах, состоящих из серии мелких ресторанов и лавчонок с сувенирами, все население которых кормится торговлей или мелким промыслом. Не стоит пренебрегать и туристским опытом на Байкале, где вытоптаны, дурно застроены или превращены в свалки живописные берега. Так возрождение оборачивается вырождением.

Когда схлынет волна корысти, поднятая нашим «суверенным капитализмом», народ опомнится и вернется к главным ценностям жизни: чистой воде, полноценным пищевым продуктам и счастливой работе на свободной земле, тогда и начнется истинное возрождение бесценных пихтинских земель, уникального крестьянского опыта и глубокого осмысления своего исторического наследия.

Мы, авторы этой книги, живем с уверенностью, что **ДОЖДЕМСЯ!**

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

*Почётный гражданин Иркутской области
Иван Зигмунтович Зелент*

«Надёжное пристанище - наш Бог,
надёжная защита и мощное оружие».
М. Лютер

Дорогие земляки, родственники и гости, чрезвычайно рад приветствовать всех вас по случаю выхода в свет художественно-литературного произведения фотографа Александра Дмитриевича Князева, посвящённого жизни пихтинцев, Бужских голендров, в Сибири. Если у кого-то появится интерес к прошлому в жизни пихтинцев, можно более предметно ознакомиться с ранее вышедшими в свет материалами:

1. Статья писателя Евгения Суворова 11.03.1995 года «Оживёт николаевский тракт», газета «Восточно-Сибирская Правда».
2. Специальный выпуск в научно-популярном иллюстрированном журнале «Тальцы» №4(23) 2004 года, посвящённый целиком истории Бужских голендров.
3. Специальный выпуск «Пихтинск. Судьбы через поколение», Журнал «Тальцы», Иркутск, 2008 год.
4. «Журнал для пассажиров» №7 Авиакомпания Сибирь, июль 2008 года «Голландцы в Сибири», страница 62 - 74.

От имени своих земляков высказываю слова благодарности Владимиру Владимировичу Тихонову, директору этнографического музея «Тальцы», Наталье Геннадьевне Галеткиной, историку, преподавателю Высшей Школы Экономики города Санкт-Петербурга, Галине Николаевне Макагон, директору Заларинского районного краеведческого музея и многим другим, кто помог восстановить прошлое и утраченные связи с родственниками в Германии.

Уклад жизни в наших сёлах был перенесен нашими предками и сохранен нынешним поколением. Все соблюдали религиозные обряды и ритуалы, ежедневно, утром и вечером вставали на колени и произносили молитву «Отче наш:...», привлекались к этому и дети.

Воскресенье было особенным днем: после завтрака, вся семья собиралась за столом, зачитывалась молитва и пелись церковные песни согласно времени года. Только после обеда детям разрешалось играть на улице, и в их играх зачастую принимали участие и родители.

Наших селян сразу узнавали по таким признакам: если не матерится и не пьянствует, значит голендр. Наличие внутренней культуры считается для нас нормой – это, прежде всего, доброжелательное отношение не только к близким, но и к незнакомым людям. На грубость, как бы она не звучала, старались ответить вежливо и отойти. Такие качества, как трудолюбие, ответственность и дисциплина, уважительное отношение к старшим мне никогда в жизни не мешали, а наоборот помогали, вызывали доверие и уважение. Поэтому обращаюсь к своим землякам, и тем, кто связал судьбу с «нашими», хочу чтобы эти правила поведения соблюдались неуклонно и прививались своим детям: уважительное отношении к детям, уважительное отношения к старшим, всегда обращались через «вы», а не «ты», родители являются главными наставниками и воспитателями детей, а климат в семье зависит от взаимоотношений родителей, родители никогда не выясняют отношений при детях, это было нормой жизни.

История Бужских голендров в течении веков объясняется не столько особым укладом жизни и евангелическо-лютеранской веры, но голландским правом, деревенской Конституцией, в которой предусматривается ежегодные выборы «предводителя», а также излагались принципы самоуправления и контроля, а также ответственность каждого жителя перед общиной.

Стиль и форма управления обеспечивали равноправие по распределению земли и её использованию. В современных условиях рынка раскрылась возможность использовать этот опыт предков, – к сожалению, использование земли, распаханной нашими предками, происходит крайне неэффективно. Настало время объединить усилия по кооперированию производства.

Жизнь и работа в органах власти дали мне возможность посмотреть, как это делается в Америке, Германии, Канаде, Италии. Когда выращивание крупнорогатого скота происходит в трёх кооперативах: дойное стадо, выращивание телят, заключительный откорм, что позволяет доводить вес до шестисот килограмм. Расположение наших сёл в экологически чистом месте, вдали от заводов, аэропортов, автомагистралей, позволяет производить чистую продукцию, на которую в последние годы возрастает спрос.

Это и дикорастущие ягоды, грибы, черемша, папоротник, кедровые орехи, черемуха, боярышник, шиповник, иван-чай и другие лечебные травы. А также производство молочных и мясных продуктов, производство меда.

Рынки наших городов заполнены привозными фруктами и ягодами, поступающих к нам не только с ближнего, но и с дальнего зарубежья. Сейчас многие продукты мы получаем из Европы и Америки, но из-за отдалённости доставки эти продукты вынуждены обрабатывать консервантам, оттого их чистота утрачена.

В дореволюционной России экспорт иван-чая превышал экспорт и пушнины, и льна. Все дома Пихтинска окружены черёмуховыми садами и это не случайно... Отец говорил нам, что мешок молотой черёмухи даёт доход больше, чем от продажи туши кабана, а сейчас качественная черёмуховая мука в огромном дефиците. И для нас, детей, сбор черёмухи был увлекательным занятием.

Хотелось бы, чтобы мои земляки в новых рыночных условиях нашли для себя занятие, которое позволило бы им жить достойно, интересно и плодотворно. Только развитие производства позволит прекратить отток населения и сохранить уклад жизни наших предков, а также расширить связи с земляками и родственниками с Буга, проживающими сейчас не только в России, но и по всему миру.

Уже сейчас мы ждём делегацию Бужских голендров из Германии на праздник столетия домов (первое воскресенье июля 2014 года) и планируем принять участие во встрече голендров на Буге в 2017 году.

Судьба нашего народа не прерывается, будет ли она благополучной и доброй завтра зависит от нас самих.

Я признателен автору, Александру Дмитриевичу Князеву, за огромный труд по сбору материала и за проявленный интерес к жизни моих земляков.

УДК 39
ББК 63.521(=432.2)-73
К 54

Князев Александр Дмитриевич
Князев Ярослав Александрович

ПИХТИНСКИЕ ГОЛЕНДРЫ
История. Судьба. Культура.

Авторы признательны Н.Г.Галеткиной и В.А.Бутакову за предоставленные фотографии, а также исполнены благодарности за помощь в создании книги районному музею краеведения поселка Залари и лично Г.Н. Макогон, а также Ивану Зигмунтовичу Зелент, Елене Владимировне Людвиг, Алексею Петровичу Людвиг и всем жителям Пихтинска, разделившим наши хлопоты.

Отдельная благодарность лютеранскому пастору Томасу Граф Гроте за фотографии пихтинских детей, с которыми он проводит лето в палатках на берегу Тагны, - это запоминается ими навсегда.

Особая благодарность Виктору Кузьмичу Круглову, депутату Законодательного Собрания Иркутской области за его понимание смысла нашего издания и соответствующий инвестиционный вклад.

Печать офсетная, тираж - 1000 экз.
Отпечатано в типографии
Китайского геологического университета, г.Пекин.
Beijing Tiancheng Printing, CO., LTD
NO29, Xueyuan Road, Haidian District,
Beijing, Cina
P.C.: 100083
Tel.: 010-82327006